

Оригинальная статья

УДК 81.42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-180-199>

Лингвистическая модель приграничного миграционного дискурса (на материале английского языка)

Екатерина Олеговна Зубарева¹✉, Екатерина Сергеевна Ложкина²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹✉fialka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

²heusername1sal1e@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5572-0917>

Введение. В статье рассматривается модель приграничного миграционного дискурса на материале английского языка на примере американо-мексиканской границы. Актуальность предлагаемого исследования связана с возрастающим интересом лингвистов к сложному феномену миграции, а также с тем, что данный тип дискурса впервые выделяется авторами самостоятельно. Цель исследования – построить лингвистическую модель приграничного миграционного дискурса с помощью привлечения корпусных технологий.

Методология и источники. В качестве основных методов исследования были использованы интерпретация, категоризация, систематизация и контекстуальный и дефиниционный анализ. Материалом для работы послужила глава «The Border» из книги Lily Ana Chavez «Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood» [1], объемом 65 600 печатных знаков без пробелов.

Результаты и обсуждение. Данное исследование выполнено в рамках миграционной лингвистики, одной из ее задач является изучение миграционного нарратива, с помощью которого формируется определенное отношение принимающего общества к разным категориям участников миграционных процессов и их образов. Опираясь на концепции Г. Г. Слышкина и В. И. Карасика, авторы выделяют приграничный миграционный дискурс как особый тип и аргументируют свою позицию. В статье представлена модель данного типа дискурса, включающая 1560 лексем, 15 семантических модулей и 13 микромодулей.

Заключение. В результате установлено, что к ядру модели приграничного миграционного дискурса относятся семантические модули «Участники миграции» и «Граница»; к ближней периферии – «Закон», «Гражданство», «Миграционная политика» и «Безопасность»; к дальней периферии – «Театральность», «Экономика», «Этническая принадлежность», «Коммуникация», «Документы» и «Современные технологии».

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, приграничный дискурс, лингвистическое моделирование, модель, семантический модуль, граница

Для цитирования: Зубарева Е. О., Ложкина Е. С. Лингвистическая модель приграничного миграционного дискурса (на материале английского языка) // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 180–199. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-180-199

© Зубарева Е. О., Ложкина Е. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Linguistic Model of Cross-Border Migration Discourse (Based on the English Language)

Ekaterina O. Zubareva¹✉, **Ekaterina S. Lozhkina**²

^{1, 2}Perm State University, Perm, Russia

¹✉fjalka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

²heusername1sal1e@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5572-0917>

Introduction. The article is examined a model of cross-border migration discourse based on the English language on the example of the US-Mexican border. The relevance of the proposed research is related to the increasing interest of linguists in the complex migration phenomenon, as well as the fact that this type of discourse is first identified by the authors independently. The aim of the study is to build a linguistic model of cross-border migration discourse by using corpus technologies.

Methodology and sources. Interpretation, categorization, systematization, and contextual and definitional analysis were used as the main research methods. The material for the work was the chapter “The border” from the book “Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood” by Lily Ana Chavez [1], with a volume of 65,600 pp. without spaces.

Results and discussion. This study was carried out within the framework of migration linguistics, one of the tasks of which is to study the migration narrative, through which a certain attitude of the host society towards different categories of participants in migration processes and their images are formed. Based on the concepts of G.G. Slyshkin and V.I. Karasik, the authors identify the cross-border migration discourse as a special type of discourse and argue their position. The article is presented a model of this type of discourse, including 1560 lexemes, 15 semantic modules and 13 micromodules.

Conclusion. As a result, the semantic modules “Migration participants” and “Border” belong to the core of the model of cross-border migration discourse. The near periphery includes “Law”, “Citizenship”, “Migration Policy” and “Security”. The far periphery includes “Theatricality”, “Economy”, “Ethnicity”, “Communication”, “Documents” and “Modern technologies”.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, cross-border discourse, linguistic modeling, model, semantic module, border

For citation: Zubareva, E.O. and Lozhkina, E.S. (2026), “Linguistic Model of Cross-Border Migration Discourse (Based on the English Language)”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 180–199. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-180-199 (Russia)

Введение. Благодаря лингвистическому интересу к феномену миграции возникла миграционная лингвистика – научное направление, занимающееся изучением миграционного нарратива, языковой динамики, лингвотолерантностью и лингвоконфликтотенностью [2; 3].

Одним из основных объектов изучения миграционной лингвистики является миграционный дискурс и его моделирование. Термин «дискурс» имеет множество определений. Согласно точке зрения З. Харриса, дискурс – это предложения, произнесенные или написанные последовательно одним или более человеком в определенной ситуации [4, р. 3]. По мнению В. Е. Чернявской, дискурс – это «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [5, с. 11]. Г. Г. Слышкин

утверждает, что «любая единица языка или речи может служить основной для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса... Дискурс будет являться объектом, а концепт – инструментом анализа» [6, с. 38–39]. В нашей работе концепт понимается как способ квантификации и категоризации знаний человеческого опыта, единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [7, с. 70].

Отечественные исследователи выделяют миграционный дискурс как самостоятельный тип дискурса [8, с. 37] и определяют его как «вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события» [2, с. 120]. Согласно концепции Т. ван Дейка, миграционный дискурс – это сложная структура, включающая лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты и рассматриваемая как идеологический конструкт, который выражает определенную позицию общества и формирует отношение к миграции и ее участникам [9].

Миграционный дискурс интерферентен, он включает в себя элементы других дискурсов, так как феномен миграции сложен и многоаспектен и является объектом исследования не только лингвистики, но других наук: политологии, социологии, демографии и пр. Миграционный дискурс обладает разножанровой структурой и имеет множество субдискурсов, например, политический, медийный, парламентский, юридический миграционный и т. п. [8, с. 35].

Миграционный дискурс рассматривается как институциональный, т. е. как «общение в рамках статусно-ролевых отношений, речевое взаимодействие представителей социальных групп/институтов друг с другом» [10, с. 291], и для его описания используются следующие параметры: «типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы» [10, с. 314]. Таким образом, участники общения являются системообразующим признаком миграционного дискурса так же, как и особый хронотоп.

Объектом данного исследования является приграничный миграционный дискурс, который мы выделяем на основе концептуального подхода, одного из его ключевых концептов «граница» и на основе объектно-субъектного подхода. Приграничный миграционный дискурс имеет свой круг участников, например, мигранты, приграничники, офицеры, контрабандисты, пункты контроля и прочее, хронотоп, обладает своими ценностями и специальной лексикой, которая рассматривается в работе.

Авторы предлагают модель приграничного миграционного дискурса. В настоящее время метод моделирования активно применяется в лингвистике, под моделью понимается «искусственно создаваемое реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее языковое явление в более упрощенном виде» [11, с. 304]. Любая модель должна обладать однозначностью, четкой связной структурой и иметь объяснительную силу. К основным теоретическим требованиям модели относятся полнота, простота, объяснительная сила, адекватность, экономность и точность [12, с. 98].

Методология и источники. Материалом для данного исследования послужила глава «The Border» англоязычной научной работы «Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood» [1], посвященная национальным границам и их роли в укреплении государства. Для построения модели приграничного миграционного дискурса использована программа AntConc, позволяющая создать собственный лингвистический корпус из

документа в формате txt и осуществить его количественный и качественный контент-анализ. Традиционные лингвистические методы анализа текста позволяют выполнить данную задачу, однако, они менее эффективны, если вместе с ними не используются методы компьютерного анализа текста [13, с. 147].

Корпусный анализ осуществлялся по следующей методике: сначала в оригинальном англоязычном тексте главы нами вручную были выделены лексические единицы и словосочетания (например, *exposed to death* или *human cargo*), которые, на наш взгляд, тесно связаны с приграничным миграционным дискурсом и которые представляют интерес для дальнейшего анализа. Далее все лексемы были распределены по семантическим модулям и микромодулям, например, модуль «Участники миграции» и его микромодули «Мигрант», «Государство», «Регионы, страны и города» и «Контрабандисты». Уточним, что под семантическими модулями мы подразумеваем определенную систему, которая позволяет обрабатывать и интерпретировать языковые явления [14, с. 10]. Он представляет собой конкретный набор языковых средств, объединенных общей тематикой. Отметим, что одна и та же лексема может входить в несколько модулей, например, словосочетание *national safety* входит как в модуль «Миграционная политика», так и в модуль «Безопасность». Затем оригинальный текст главы был скопирован в документ формата txt и загружен в приложение AntConc в виде «Quick Corpus» или временного корпуса. Далее в поисковую строку поочередно вводили заранее выделенные леммы, настроив соответствующие параметры поиска. Форма множественного числа некоторых лексем находилась либо после добавления к исходной лемме окончания -s, либо после ее постановки в нерегулярную форму множественного числа. Далее результат для форм каждой леммы суммировался, например, количество найденных лексем *border* складывалось с количеством *borders*, и фиксировался нами в отдельном документе.

В процессе анализа были получены статистические данные о частотности употребления тех или иных лексем в тексте. Статистические данные играют большую роль в моделировании, так как позволяют выделить наиболее частотные лексемы и впоследствии определить, какие модули относятся к ядру, ближней и дальней периферии лингвистической модели. Процентный объем модулей рассчитывался следующим образом: количество лексем, входящих в семантический модуль, делилось на общее количество всех выявленных лексем (1560).

В каждом модуле лексемы перечисляются в порядке убывания частотности, также приводятся по два примера, иллюстрирующих реальное функционирование некоторых лексем, входящих в модуль. В результате интерпретации и классификации материала были сформированы следующие семантические модули и микромодули.

1. Участники миграции (39,4 %): community (7), man (7), woman (6), actant (2), employer (2), parent (2), asylum interviewer (1), child (1), enclave (1).

For example, he concludes that women are likely to be targeted by the border according to their sexuality and men according to their religion and ethnicity. – Например, он приходит к выводу, что на границе женщины, скорее всего, будут оцениваться по критерию сексуальной привлекательности, а мужчины – по их религии и этнической принадлежности¹.

¹ Перевод примеров выполнен авторами.

Additionally, to label the migrant community as “invisible” would be a dismissal of the perception of the people who live in that community, many of whom are migrants or relatives of migrants and, thus, to whom migrants are incredibly visible. – Кроме того, назвать сообщество мигрантов «невидимым» означало бы проигнорировать восприятие людей, живущих в этом сообществе, многие из которых являются мигрантами или их родственниками, и для которых, следовательно, мигранты очень заметны.

1.1. Мигрант (18,1 %): migrant (157), quasi-citizen (23), homo sacer (19), anti-citizen (18), bare life (18), undesirable person (8), immigrant (6), refugee (5), border-crosser (4), outsider (4), enemy (3), non-citizen (3), stateless person (2), asylum recipient (1), asylum seeker (1), biopolitical body (1), border transgressor (1), excluded subject (1), human cargo (1), intersectional identity (1), Iranian goshand (1), labour market problem (1), sacrificial creature (1), Spanish pollo (1), subordinate body (1), target of erasure (1), renshé (1).

Ultimately, I intend to illustrate the national border not as a barrier that distinguishes insider from outsider, but as a boundless and exploitative rendering process that intends to convert migrants into subordinate bodies, upon which the sovereign nation-state may capitalize. – В конечном счете мы охарактеризуем национальную границу не как барьер, который позволяет отделить «своего» от «чужого», а как нескончаемый эксплуатационный процесс преобразований, направленный на превращение мигрантов в подчиненный человеческий ресурс, который суверенное государство может использовать ради собственной выгоды.

Sovereign power produces migrants as excluded subjects to be dealt with violently while simultaneously neutralizing their ability to resist or protest. – Суверенная власть позиционирует мигрантов как «исключенных» субъектов, к которым нужно применять насилие, одновременно нейтрализуя их способность к сопротивлению или протесту.

1.1.1. Характеристики мигранта (3,8 %): labor (15), unauthorized (8), undesirable (8), exposed to death (4), visible (4), documented (3), undocumented (3), dangerous (2), deserving (2), illegal (2), authorized (1), cisgender (1), good (1), helpless (1), heterosexual (1), immoral (1), irresponsible (1), needy (1), profound (1), sad (1).

Nevertheless, this discourse of humanitarianism works to remedy the concerns of citizens who find themselves concerned about the fate of “good” migrants, “refugees” as opposed to drug dealers and violent criminals. – Тем не менее этот дискурс гуманизма направлен на успокоение граждан, озабоченных судьбой «хороших» мигрантов и «беженцев», которые противопоставляются наркоторговцам и жестоким преступникам.

He references an experience of his own, in which he and others were advised to wear dirty clothes to their UNHCR interview in order to appear “sad” and “profound”. – Он ссылается на свой собственный опыт, когда ему и другим людям посоветовали надеть грязную одежду на интервью в УВКБ ООН, чтобы казаться «печальными» и «проникновенными».

1.2. Государство (12 %): nation-state (53), citizen (42), state (19), country (12), detention center (10), authority (8), officer (6), government (5), insider (4), nation (4), border guard (3), borderland (3), border agent (2), border policing (2), Custom (2), media (2), agent of sovereignty (1), figure of sovereignty (1), immigration policy (1), permanent resident (1), politico-legal subject (1), roving patrol (1), sovereign body (1).

The myth of border securitization as an act of benevolence towards migrants eases the conscience of citizens while also fostering a paternalistic narrative: one that illustrates an idealistic portrait of the nation-state, extending a generous hand to the helpless, needy migrant. – Миф об охране границ как акте добродетели по отношению к мигрантам облегчает совесть граждан и одновременно способствует формированию патерналистского нарратива, иллюстрирующего идеалистический портрет национального государства, протягивающего щедрую руку помощи беззащитному и нуждающемуся мигранту.

General police officers may also question a person's legal status, meaning the migrant is at risk of deportation or detention if they are approached by officers even during day-to-day activities, such as driving or walking. – Сотрудники полиции могут также спрашивать человека о его правовом статусе. Это означает, что если к мигранту обращается полицейский, он подвергается риску депортации или задержания даже во время повседневной деятельности, например во время вождения или прогулки.

1.3. Регионы, страны и города (2,9 %): Sweden (5), the United States (5), EU (4), Southwestern U.S. Border (3), Global North (2), Global South (2), London (2), Mediterranean EU Border (2), Middle East (2), Nazi Germany (2), African (1), American (1), Bristol (1), Central American countries (1), Chicago (1), El Salvador (1), European countries (1), Guinea (1), Honduras (1), Iran (1), Los Angeles (1), Mexico (1), New York City (1), Palestine (1), South Africa (1), Spanish-African border (1).

Khosravi shares the experience of a Guinean man named Lamin, who spent over ten years seeking asylum in various European countries and the United States before he was deported back to Guinea from Sweden. – Кошрави рассказывает о случае гвинейца по имени Ламин, который провел более десяти лет в поисках убежища в различных европейских странах и США, прежде чем был депортирован из Швеции обратно в Гвинею.

Two thirds of the U.S. population is located in this 100-mile zone, as are most of the largest cities in the country, including New York City, Los Angeles, and Chicago. – В этой стомильной зоне находится две трети населения США, а также большинство крупнейших городов страны, включая Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго.

1.4. Контрабандисты (0,7 %): smuggler (7), coyote (1), human trafficker (1), shetou (1), panish pollo (1).

A compelling example of this is the discourse surrounding human smuggling and trafficking pertaining to the border. – Ярким примером этого является дискурс вокруг контрабанды людей и связанной с границей торговли ими.

These terms include names such as the Spanish pollos (chickens) for Mexican border crossers and coyote for the smuggler; the Iranian gosfand (sheep) for "illegal" border crossers; and renshe (human snakes) for smuggled Chinese people and shetou (snakehead) for Chinese smugglers. – Эти термины включают такие названия, как испанское «pollos» («куры») для мексиканцев, пересекающих границу, и «coyote» («койот») для контрабандистов; иранское «gosfand» («овца») для нелегальных мигрантов; «renshe» (люди-«змеи») для незаконно ввозимых китайцев и «shetou» («змееголов») для китайских контрабандистов.

2. Граница (23,2 %): border (132), boundary (12), border-crossing (6), border-crosser (4), borderland (3), passage (2), bordering process (1), border space (1), border transgressor (1), boundary-ness (1).

The conventional premise of the national border maintains a territorial and spatial indication, as it supposedly refers to the boundary that sits between one nation-state and the next. – Традиционно понятие государственной границы включает в себя компоненты «пространство» и «территория», поскольку оно, как считается, обозначает рубеж, проходящий между одним национальным государством и другим.

The territories across which those borders transverse may be referred to as “borderlands”, and, in some circumstances, communities on either side of a border function as one, unbridled by national constraints. – Земли, через которые проходят эти границы, можно назвать «приграничными территориями», и в некоторых обстоятельствах общества по обе стороны рубежа функционируют как единое целое, не сдерживаемое национальными ограничениями.

2.1. Контроль границ (4,4 %): Border Gaze (16), Border Spectacle (15), securitization (10), officer (6), border enforcement (3), border guard (3), point/port/area of entry (3), border agent (2), border policing (2), checkpoint (2), Custom (2), inspection (2), Border Patrol (1), boundary of protection (1), drone (1), motion sensor (1).

However, border politics and policing may be traced far beyond the border and even beyond the borderlands, materializing along the complex dynamics of deportations, detentions, raids, and the importation of (often unauthorized) migrant labor. – Однако пограничная политика и деятельность пограничных служб могут проследиваться далеко за пределами границ и даже близких к ним территорий, реализуясь в сложной динамике депортаций, задержаний, рейдов и зачастую нелегального ввоза трудовых мигрантов.

Customs and Border Patrol (CBP) agents carry out certain tasks that demonstrate the exceptionality of the region from the Fourth Amendment, including the operation of checkpoints on major highways and secondary roads, at which every motorist is stopped and asked for their immigration status. – Сотрудники погранично-таможенной службы (ПТС) выполняют определенные задачи, которые демонстрируют исключительность региона согласно Четвертой поправке, включая работу контрольно-пропускных пунктов на основных магистралях и второстепенных дорогах, где каждого водителя останавливают и уточняют его иммиграционный статус.

2.2. Виды границы (3,4 %): national (34), securitized (6), physical (4), invisible (2), racialized (2), externalized (1), internalized (1), land (1), sea (1).

Navigating a national border, particularly those that are highly securitized, provides a scene for the demonstration of necropower wherein migrants are exposed to violence in a number of forms. – Пересечение государственных границ, особенно тех, которые тщательно охраняются, предоставляет возможность демонстрации некровласти, когда мигранты подвергаются различным формам насилия.

“My status as a Swedish citizen disappeared at the racialized border because of my face,” he writes, referring to the fact that the basis of the interrogation was racially motivated on the basis of his appearance. – «Мой статус гражданина Швеции исчез на расиализованной границе из-за моего лица», – пишет он, имея в виду тот факт, что основанием для допроса послужила расовая принадлежность, выводы о которой представители власти сделали по его внешности.

2.3. Пограничная политика (3,3 %): Border Spectacle (15), border politics/policy (14), border rendering process (9), rebordering politics (4), border localization (6), border violence (1), border exploitativeness (1), debordering policy (1), inflation of the border (1).

In order for the border spectacle – which that characterizes the border as a boundary of protection between insiders and outsiders – to be maintained, then, the state must rely on the making of those complex internal dynamics as banal. – Чтобы продолжать «пограничный спектакль», характеризующий границу как защитный барьер между «своими» и «чужими», государство должно попытаться превратить сложную внутреннюю динамику в простую.

I argue that border violence is another method of political erasure that stands beside the subordinate inclusion of migrant labor. – Мы утверждаем, что насилие на границе – это еще один метод политического «стирания», который стоит рядом с эксплуатационным «включением» трудовых мигрантов.

2.4. Определение границы (1,5 %): aphysical entity/dimension (4), Southwestern U.S. Border (3), barrier (2), Mediterranean EU Border (2), boundary of protection (1), barbed-wire fence (1), border ubiquitousness (1), functional nexus (1), hollow outline (1), inevitable seam (1), juncture of two nation-states (1), obstacle (1), semi-tangible suture (1), Spanish-African border (1), spatial entity (1), spatial indication (1), wall (1).

De Genova is highlighting a crucial truth about national borders: they are not an inevitable seam between one country and another, but an aphysical dimension produced through a series of practices perpetuated by border politics and policing. – Де Генова подчеркивает важнейшую правду о государственных границах: они являются не неотъемлемым барьером между одной страной и другой, а афизическим образованием, созданным посредством ряда практик, закреплённых пограничной политикой и пограничными службами.

The nation-state system is based on the functional nexus between a determinate localization (territory) and a determinate order (the state). – Система национального государства основана на функциональной связи между определенной локализацией (территорией) и определенным порядком (государством).

3. Процессы, связанные с миграцией (16,5 %): violence (39), exclusion/exception (26), exploitation (22), (political) erasure (19), inclusion (15), production/reproduction (15), deportation/deporting/deportability (14), securitization (11), subordination/subjugation (11), detention (10), border rendering process (7), localization (7), instrumentalization (4), rebordering politics (4), colonization (2), denationalization (2), destruction (2), discrimination (2), inflation (2), inspection (2), persecution (2), sovereign self-legitimation (2), immobilization (3), importation (3), interaction (3), militarization (3), raid (3), territorialization/reterritorialization (3), war (3), animalization (1), asylum process (1), banishment (1), cultural degradation (1), debordering politics (1), dehumanization (1), detection (1), division (1), interception (1), national identity-making (1), political recognition (1), regulation of mobility (1), searches (1), segregation (1), slavery (1), social sorting (1), struggle for autonomy (1), suicide bombing (1).

In order to demonstrate the employment necropolitics in all its forms, Mbembe draws on “topographies of cruelty” such as the colony and the plantation, referencing historical instances such as apartheid in South Africa, chattel slavery, war, suicide bombings, and the colonization of Palestine. – Чтобы продемонстрировать применение некрополитики во всех ее формах, Мбе-мбе опирается на «топографии жестокости», такие как колония и плантация, ссылаясь на исторические примеры: апартеид в Южной Африке, рабство, война, самоподрывы смертников и колонизация Палестины.

According to Khosravi, "...borders regulate movements of people. While a small category of people enjoy unrestricted mobility rights, most people are caught within borders. The regulation of mobility operates through social sorting that involves sexual, gender, racial and class inequalities". – Согласно Кошрави, «...границы регулируют перемещения людей. В то время как лишь небольшая категория людей обладает неограниченными правами на передвижение, большинство сковано границами. Регулирование мобильности осуществляется посредством социального отбора, который включает в себя половое, гендерное, расовое и классовое неравенство».

4. Закон (14,4 %): law (24), enforcement (8), legal status (6), officer (6), legitimacy (3), order (3), empowerment (2), self-legitimation (2), sovereign ban (2), Anti-terrorism Act (1), lawmaking (1), legacy (1), juridical language (1), juridical relation (1), punishment (1).

In the detention center, the migrant is the subject of the law, but to them the law is impervious – they are given little to no opportunity to access the law, through due process or otherwise. – В центре содержания мигрант подчиняется закону, но для него этот закон недостижим – у мигранта практически нет возможности получить доступ к закону в рамках надлежащей правовой процедуры или иным образом.

He first points to Eurocentric global hegemony in order to detail the racialization of borders, noting the importance of having "the ability to translate one's life story into Eurocentric juridical language and to perform the role expected of the refugee" in order to successfully obtain refugee status. – Сначала он указывает на евроцентрическую глобальную гегемонию, чтобы подробно описать расиализацию границ, отмечая важность наличия «способности перевести историю своей жизни на евроцентрический юридический язык и выполнить роль, ожидаемую от беженца» для успешного получения статуса беженца.

4.1. Правонарушения (8,8 %): violence (39), exploitation (22), detention (10), detention center (10), illegality (8), violation (7), crime (5), killing (5), prison (4), apprehension (3), sexual assault (3), concentration camp (2), human smuggling (2), importation of unauthorized migrant labor (2), persecution (2), trafficking (2), bribery (1), custody (1), death camp (1), domestic violence (1), drug trade (1), extermination camp (1), robbing (1), sexual abuse (1), suicide bombing (1), terror (1), transgression (1), violent crime (1), warrantless stop (1).

Even authorized migrants, adds Khosravi, are subject to robbing and bribery – if the migrant fails to comply, they could be arrested. – Даже легальные мигранты, как добавляет Кошрави, подвергаются грабежу и вымогательству; если мигрант не подчинится, его могут арестовать.

Additionally, migrants may be exploited in other ways, with fear of deportation deterring them from reporting crimes such as sexual assault and domestic violence. – Кроме того, мигрантов могут эксплуатировать и другими способами: страх перед депортацией удерживает их от сообщений о таких преступлениях, как сексуальное и домашнее насилие.

4.2. Правонарушители (1,6 %): smugglers (7), bandit (4), criminal (4), border transgressor (1), coyote (1), drug dealer (1), goshand (1), human trafficker (1), rapist (1), renshu (1), shetou (1), Spanish pollo (1), terrorist (1).

Upon his refusal to answer several of the officer's questions, Khosravi was informed he could be detained for up to nine days under an act known as the Anti-Terrorism Act. – После того как Кошрави отказался отвечать на некоторые вопросы офицера, ему сообщили, что он может быть задержан на срок до девяти дней в соответствии с законом, известным как закон о борьбе с терроризмом.

He adds that authorities are unlikely to hold these rapists accountable, which reveals a patriarchal quality of the nation state as it is based in conflating militarization, masculinity, and securitization. – Он добавляет, что власти вряд ли привлекут этих насильников к ответственности, что свидетельствует о патриархальном характере национального государства, поскольку оно основано на совокупности милитаризации, маскулинности и обеспечения безопасности.

5. Регулирование миграции (11 %).

5.1. Меры и процедуры (6,2 %): law (24), deportation/deporting/deportability (14), securitization (11), border rendering process (7), rule (6), rebordering politics (4), territorialization/reterritorialization (3), border control (2), border enforcement (2), denationalization (2), inspection (2), sovereign ban (2), banishment (1), confining (1), debordering politics (1), drone (1), expel (1), frisking (1), interception (1), motion sensor (1), questioning (1), random stop (1), search (1), UNHCR interview (1), warrantless stop (1).

While practices of scrutinization may differ depending on the national border and the port of entry in question, highly visible measures often accompany such experiences, including questioning and frisking performed publicly before others in the area. – Хотя практика досмотра может отличаться в зависимости от национальной границы и конкретного пункта въезда, подобный опыт часто сопровождается весьма показательными мерами, включая допросы и обыски, проводимые публично, на глазах у людей вокруг.

The United States serves as a fine example of “rebordering politics”: While the Fourth Amendment to the U.S. constitution protects people from random stops and searches, the federal government claims the power to conduct certain kinds of warrantless stops a “reasonable distance” from the border – 100 air miles from any external boundary in the U.S. – Соединенные Штаты служат прекрасным примером политики установления новых границ: в то время как Четвертая поправка к Конституции США защищает людей от необоснованных задержаний и обысков, федеральное правительство имеет право проводить определенные виды задержаний без ордера на «разумном расстоянии» от границы – 100 воздушных миль от любой внешней границы США.

5.2. Люди и институты (4,8 %): Border Gaze (16), detention center (10), smuggler (7), officer (6), bandit (4), prison (4), border guard (3), port/point/area of entry (3), border agent (2), border policing (2), checkpoints (2), concentration camp (2), Custom (2), militarized patrol (2), sovereign body (1), agent of sovereignty (1), asylum interviewer (1), Border Patrol (1), extermination camp (1), figure of sovereignty (1), hybrid collectif (1), immigration policy (1), roving patrols (1), trafficker (1), vigilante (1).

He also notes the risks faced by migrants who are not heterosexual or cisgender face a higher risk for violence and discrimination by smugglers, bandits, border guards, and asylum interviewers. – Он также отмечает, что нецисгендерные и негетеросексуальные мигранты подвергаются большему риску насилия и дискриминации со стороны контрабандистов, бандитов, пограничников и служащих, проводящих интервью для решения о предоставлении убежища.

According to Agamben, the concentration camp is the most salient manifestation of sovereign power, as the place in which bare life is most brazenly seized by the state. – Согласно Агамбену, концлагерь – это самое показательное проявление суверенной власти, место, где государство наиболее откровенно подчиняет себе «голую жизнь».

6. Гражданство (9,7 %): citizen (42), citizenship (32), quasi-citizen (23), anti-citizen (18), statelessness (7), legal status (6), asylum status (4), quasi-citizenship (4), non-citizen (3), residency (3),

denationalization (2), refugee status (2), anti-citizenship (1), country of residence (1), immigration status (1), political belonging (1), political disenfranchisement (1), resident (1).

Khosravi conceived of these terms in his auto-ethnography, stating that as there are citizens, there are too quasi-citizens and anti-citizens. – Кошрави создал эти термины и использовал их в своей автоэтнографии, заявив, что существуют как граждане, так и квазиграждане, и антиграждане.

I believe the term “erasure” is more accurate in describing the condition that Khosravi is articulating: the political disenfranchisement of a particular group contributing to the widespread neglect of that group, despite their (possibly vast) presence within the nation-state. – Мы считаем, что термин «стирание» более точно определяет состояние, которое описывает Кошрави: политическое бесправие определенной группы, способствующее повсеместному игнорированию этой группы, несмотря на, возможно, огромное количество ее представителей в национальном государстве.

7. Миграционная политика (6,9 %): sovereign violence (16), necropolitics (10), migrant subordination (9), necropower (9), border securitization (8), border rendering process (7), abandonment (4), discrimination (3), militarization (3), rebordering politics (3), cruelty (2), democracy (2), denationalization (2), depoliticize (2), Eurocentric standarts (2), global hegemony (2), inequity (2), migrant's inclusive exclusion (2), national sovereignty (2), political brutality (2), sovereign reproduction/production (2), subjugation (2), boundary of protection (1), dehumanization of the migrant (1), exploitativeness (1), immigration policy (1), national constraints (1), national «purity» (1), national safety (1), national security (1), political disenfranchisement (1), sovereign autonomy (1), state control (1), state violence (1).

Through various discursive practices, border securitization is touted as a virtuous measure intended to protect the innocent citizens within from the migrants without, who would otherwise threaten national safety and prosperity through practices such as drug trade, violent crime, and cultural degradation. – С помощью различных дискурсивных практик усиление контроля над границами преподносится как добродетельная мера, призванная защитить невинных граждан внутри страны от мигрантов, которые в противном случае угрожали бы безопасности и процветанию нации посредством торговли наркотиками, насильственных преступлений и культурной деградации.

This sovereign violence, carried out through numerous direct and indirect apparati of the state, is a manifestation of what is termed “necropolitics” - defined as the sovereign instrumentalization of death. – Суверенное насилие, осуществляемое через многочисленные прямо и опосредованно работающие государственные аппараты, является проявлением так называемой некрополитики, которую определяют как массовое уничтожение людей с помощью инструментов суверенной власти.

8. Безопасность (5,3 %): deportation/deporting/deportability (14), securitization (11), detention (10), detention center (10), officer (6), apprehension (3), border guards (3), border policing (2), checkpoints (2), Customs (2), inspection (2), raid (2), banishment (1), Border Patrol (1), detection (1), drone (1), economic security (1), expel (1), frisking (1), militarized patrols (1), motion sensors (1), national safety (1), national security (1), public transit inspections (1), random stops (1), roving patrols (1), security practices (1).

The migrant detention center is a powerful localization of inclusive exclusion, existing perhaps more as a tangible representation of the state of exception than anywhere else. – Центр содержания мигрантов – это служба, сосредотачивающая в себе «включающее исключение» в большей степени, чем любое другое место, представляющая собой осязаемое воплощение чрезвычайного положения.

But for those who can elude detection and evade apprehension and deportation there awaits, as their thankless reward, a protracted and indefinite social condition of deportability, and its attendant deprivations, which will supply the distinctive qualification of their labour-power. – Но тех, кто сумеет ускользнуть от обнаружения, избежать задержания и выдворения из страны, в качестве награды ожидает неопределенность, постоянный страх депортации и сопутствующие ему лишения, которые определяют их «особую» квалификацию работника.

9. Театральность (4,3 %): homo sacer (23), erasure of migrant (19), Border Spectacle (15), fictionalized enemy (2), sacrifice (2), spectacle of militarization (2), animalization (1), border ritual (1), inflation of the border (1), militarized obstacle course (1), political performance (1), topographies of cruelty (1).

This conventional perception of a national border perpetuates the notion that the border is a barrier between insider and outsider, and the spectacle of militarization that often occurs at national borders only reinforces this impression. – Такое восприятие границы укореняет представление о том, что она – это барьер между «своими» и «чужими», а частые случаи милитаризации приграничных зон только подкрепляют эту идею.

He concludes, “Dehumanized and represented in terms of chicken and sheep – two animals traditionally sacrificed in rituals – the border transgressors are sacrificial creatures for the border ritual”. – Он резюмирует: «Дегуманизированные и представленные в терминах “курица” и “овца” – двух животных, традиционно приносимых в жертву в ритуалах, нарушители границы становятся жертвами для пограничного ритуала».

10. Виды миграции (3,4 %): labor (26), deportation/deporting/deportability (14), journey (3), mobility (3), movement (3), importation of unauthorized migrant labor (2), expel (1), expulsion (1), settlement (1).

Those citizens who feel compassion for asylum-seekers, particularly those with knowledge of any persecution and strife that motivated their journey, are likely to believe refugees should be allowed passage past the border in search of a better life. – Граждане, которые испытывают сострадание к просителям убежища, особенно те, кто знают о преследованиях и беспорядках, побудивших их покинуть родную страну, скорее всего, считают, что следует дать разрешение на переход границы беженцам, ищущим лучшую жизнь.

He includes stateless people in refugee camps, alongside the settlement of new colonies and mass expulsions, among the practices that are “underwritten by the sacred terror of truth and exclusivity.” – Он включает переселения людей без гражданства в лагеря беженцев, а также основание новых колоний и массовые изгнания в число практик, которые «подкреплены священным террором истины и исключительности».

11. Экономика (3 %): prosperity (5), economic discrimination (2), employer (2), industry (2), American consumer (1), capital (1), capital-labour relation (1), capitalism (1), economic “benefit” (1), economic exploitation (1), economic security (1), economic strife (1), “extra-economic” violence (1), labour market problem (1), manufacturer (1), market (1).

Above all, they are portrayed as a “labour market problem”. – Прежде всего их представляют как «проблему рынка труда».

This form of exploitation contributes to the reproduction of sovereignty in two different ways; both isolating the migrant in exploitative conditions with little visibility to the public, and simultaneously benefiting the economy as manufacturers can keep costs low for the American consumer. – Такая форма эксплуатации способствует сохранению суверенитета двумя различными способами: мигранта эксплуатируют, практически полностью изолируя его от общества и одновременно с этим принося пользу экономике, поскольку производители могут поддерживать низкие цены для американского потребителя.

11.1. Трудовые отношения (1,5 %): migrant workers/migrant labor (9), labour-power (6), labor violation (2), labor exploitation (1), low wage (1), minimum wage (1), the most dangerous and low-paid job (1), source of labor (1), subordination of migrant labor (1), working conditions (1).

The specter of “illegality” accompanies them even to the workplace, where speaking out against labor violations risks deportation and thus makes reporting them more challenging. – Призрак «нелегальности» преследует мигрантов даже на рабочем месте, где выступление против нарушений прав трудящихся чревато депортацией, что заставляет мигрантов молчать.

Furthermore, the unauthorized migrants who disproportionately occupy the most dangerous and low-paid jobs in countries such as the United States (such as positions in the meatpacking industry) have few protections provided to them by the government. – Более того, нелегальные мигранты, выполняющие подавляющее большинство самых опасных и низкооплачиваемых работ в таких странах, как США (например, на мясокомбинатах), не обеспечены достаточной защитой со стороны государства.

12. Этническая принадлежность (2,5 %): race (4), appearance (3), background (3), ethnicity (3), xenophobic mode/stereotype (2), Chinese renshu (1), Chinese shetou (1), “civilized” Western values (1), lineage (1), prejudice (1), racial difference (1), racial division (1), segregation (1), Spanish pollo (1), Iranian gosfand (1).

The conditions of anti- and quasi-citizenship account for a person’s legal status, but also elements of their background such as their class, race, lineage, and other factors. – Условия анти- и квазигражданства определяются не только правовым статусом человека, но и такими характеристиками, как класс, раса, происхождение и другие факторы.

He illustrates this point by discussing how xenophobic stereotypes (gathered from figures like Osama Bin Laden and Saddam Hussein) allow a “primitive masculinity” to be ascribed to Muslim men in Sweden, contributing to the notion that Muslim men not only endanger Muslim women (who are similarly stereotyped as passive) but also are fundamentally at odds with “civilized” Western values. – Он иллюстрирует этот тезис, рассказывая о том, как ксенофобские стереотипы (основанные на таких фигурах, как Усама бен Ладен и Саддам Хусейн) позволяют приписывать «примитивную маскулинность» мужчинам-мусульманам в Швеции, способствуя формированию представления о том, что мужчины, исповедующие ислам, не только представляют опасность для мусульманок (которые аналогично стереотипизируются как безропотные), но и идут вразрез с «цивилизованными» западными ценностями.

13. Коммуникация (1,5 %): narrative (8), migrant’s own narrative (3), racialized discourse (2), rhetoric of “deservedness” (2), xenophobic mode/stereotype (2), discourse of humanitarianism

(1), discursive practice (1), everyday language (1), highly-public discourse (1), instrumentalization of discourse (1), juridical language (1), native language (1), paternalistic narrative (1), rhetoric (1).

Rather, what the erasure of migrants and migrant communities enables is the nation-state's improved ability to subordinate and exploit the migrant for its own gain, while simultaneously ensuring the narrative surrounding such exploitation and subordination remains within state control. – Скорее, «стирание» мигрантов и мигрантских сообществ позволяет национальному государству совершенствовать способность подчинять и эксплуатировать мигрантов в своих интересах, одновременно следя за обеспечением собственного контроля над нарративом, связанным с этой темой.

The implications of such images fuel a powerful discursive dynamic within the nation-state, and other implications that are far more subtle can be found even in everyday language. – Подтексты таких образов подпитывают мощную дискурсивную динамику внутри национального государства, а другие, гораздо менее очевидные, можно обнаружить даже в повседневном языке.

14. Документы (0,5 %): documentation (5), Anti-terrorism Act (1), U.S. Constitution (1), visa (1).

While a national border is most widely understood to be located at the juncture of two nation-states, De Genova describes border spaces to be a far more "variegated spectrum," encompassing points of entry within nations, such as airports – where migrants undergo inspection by authorities and are issued documents which may be issued and violated, such as visas. – В то время как государственная граница чаще всего понимается как место стыка двух национальных государств, де Генова описывает пограничные пространства как гораздо более «пестрый спектр», включающий в себя пункты въезда на территорию государства, такие как аэропорты, где мигранты проходят досмотр и получают или не получают документы, например визы.

The anti-citizen is perhaps the subject of the border gaze in its most unadulterated form, as they have no documentation of citizenship or residency to protect them from deportation or detention. – Антигражданин – это, пожалуй, самый очевидный объект наблюдения для «ока границы», поскольку у него нет документов, подтверждающих гражданство или место жительства, которые могли бы защитить его от депортации или задержания.

15. Современные технологии (0,2 %): advanced technology (1), drone (1), motion sensor (1).

In revisiting De Genova's concept of the Border Spectacle, I intend to examine how it functions through the dissemination of highly-public discourse and imagery that strengthen the public perception of the border as a dangerous boundary, which the government must securitize through heightened militarization and advanced technology (such as drones and motion sensors). – Возвращаясь к концепции Де Геновы о «пограничном спектакле», мы намерены изучить, как она функционирует благодаря распространению высокопубличного дискурса и образов, которые укрепляют общественное восприятие границы как опасного рубежа, который правительство должно охранять с помощью усиленной милитаризации и передовых технологий (таких, как дроны и датчики движения).

Анализ позволяет представить расширенную модель приграничного миграционного дискурса, которая включает 15 семантических модулей с входящими в них дополнительными микромодулями. Ядро модели включает в себя модули, в которые входит больше 15 % лексем: «Участники миграции», «Граница» и «Процессы, связанные с миграцией». К ближ-

ней периферии относятся модули объемом от 5 до 15 %: «Закон», «Регуляция миграции», «Гражданство», «Миграционная политика» и «Безопасность». В дальнюю периферию входят модули объемом менее 5 %: «Театральность», «Виды миграции», «Экономика», «Этническая принадлежность», «Коммуникация», «Документы» и «Современные технологии».

Наиболее объемный модуль – «Участники миграции», это подтверждает, что участники дискурса являются его системообразующей категорией. В этом модуле самыми частотными стали лексемы *migrant(s)* и *nation-state*. В контексте анализируемой главы эти участники миграционных процессов противопоставляются друг другу: государство нацелено на эксплуатацию мигрантов, лишение их базовых гражданских прав и «политической видимости». Также государство стремится к укреплению собственного суверенитета посредством создания искусственных нарративов об опасности мигрантов и о великодушии страны, принимающей их. Такой вывод можно сделать, опираясь в том числе на наиболее частотные лексемы модуля «Процессы, связанные с миграцией»: *violence, exclusion/exception, exploitation, (political) erasure*. Одной из причин возникновения подобного противостояния, отраженного в англоязычном дискурсе, может выступать миграционная политика, проводимая президентом США Дональдом Трампом, меры которой направлены против мигрантов и беженцев, особенно из латиноамериканских и мусульманских стран, против пребывания в стране детей мигрантов и незаконного ввоза людей на территорию США.

Микромодуль «Мигрант» представлен лексемами, с помощью которых на разных языках обозначают нелегальных мигрантов: *Iranian goshand, Spanish pollo, Chinese renshe*. Микромодуль «Контрабандисты» также включает в себя лексему из китайского языка, которая обозначает человека, занимающегося незаконным ввозом мигрантов: *shetou*.

В модуле «Граница», помимо ключевого для нашего исследования концепта BORDER, можно обнаружить несколько неочевидных определений границы: *aphysical entity/dimension, border ubiquitousness, functional nexus, inevitable seam, semi-tangible suture*. Эти абстрактные и метафорические образы связаны с восприятием границы автором главы. Граница является в первую очередь не физическим разделением двух государств, а эксплуатационным процессом, направленным на подчинение мигрантов с целью извлечения экономической или политической выгоды. Лексемы *border rendering process, border violence* и *border exploitativeness* также указывают на то, что упомянутые исследователи воспринимают границу именно таким образом.

Наиболее частотной лексемой в модуле «Закон» стала лексема *law*, упоминаемая в тексте 24 раза. Данная лексема принадлежит не только миграционному, но и юридическому дискурсу. В контексте главы закон – это то, чему мигрант обязан подчиняться, но чем у него нет права пользоваться для защиты себя и своих прав. Автор ссылается на работу Джорджо Агамбена «Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life» [15], где под «голой жизнью» подразумевается жизнь в исключительно биологическом смысле. Она противопоставлена «благой жизни» – возможности быть гражданином и влиять на политику своего государства. Автор рассуждает о том, как национальное государство приравнивало мигранта к «голой жизни», лишив его гражданских прав и возможности обратиться к закону. Впоследствии такое положение мигранта приводит к его практически беспрепятственной эксплуатации государством.

В микромодули «Правонарушения» и «Правонарушители» вошли характерные для криминального дискурса лексемы, указывающие на лиц, которые совершают как насильственные

(*killing, sexual assault, domestic violence, sexual abuse, suicide bombing, terror, violent crime*), так и ненасильственные преступления (*importation of unauthorized migrant labor, bribery, drug trade, transgression*). Согласно оригинальному тексту, мигрант либо является источником правонарушений, например торговли наркотиками и взяточничества, либо рискует стать жертвой правонарушителей, при этом практически не имея возможности отстоять себя, поскольку любое сообщение о жестоком обращении может обернуться для него депортацией.

В модулях «Регулирование миграции» и «Безопасность», помимо законов и миграционной политики, упоминаются также процедуры, которым мигрант с высокой вероятностью может быть подвергнут при пересечении границы: *deportation/deporting/deportability, inspection, confining, frisking, interception, questioning, random stop, search, warrantless stop*. В главе говорится, что мигранты являются одним из инструментов для изначальной их постановки в более уязвимое положение и дальнейшего подчинения: страх, вызываемый упомянутыми процедурами, будет вынуждать мигранта соглашаться на тяжелые условия работы и жизни в стране пребывания, чтобы избежать рисков столкновения с контролирующими органами.

В модуле «Гражданство» интерес вызывают следующие лексемы: *citizen, citizenship, quasi-citizen, anti-citizen, statelessness, quasi-citizenship, non-citizen*. Шахрам Кошрави рассматривает гражданство не как бинарную категорию, а как спектр, где антигражданин противопоставлен гражданину и характеризуется следующим образом: «человек, существующий вне обычной системы регулирования, нарушающий установленные нормы и представляющий риск для безопасности и качества жизни “нормальных” граждан». С точки зрения исследователя, нелегальные мигранты воспринимаются как антиграждане, ухудшающие жизнь в государстве, поскольку считается, что они «пренебрегают “этическими ценностями” и “моральными устоями” граждан». Квазигражданин – это человек, который вследствие или в процессе пересечения границы и прохождения связанных с этим фактом юридических процедур рискует быть подвергнутым какой-либо форме угнетения и дискриминации, например из-за «настораживающей внешности». К квазигражданам автор книги относит также детей мигрантов, поскольку они с высоким шансом могут столкнуться с формами угнетения, через которые прошли их родители, а гражданство, на которое они претендуют по праву рождения в стране, может оспариваться.

Лексемы *sovereign violence, necropolitics* и *necropower* из модуля «Миграционная политика» обобщают все формы дискриминации и эксплуатации мигрантов, с помощью которых государство укрепляет собственный суверенитет и формирует антимигрантские нарративы. Словосочетание *Eurocentric standarts* указывает на существующую парадигму восприятия мигрантов: в ряде стран мигрант должен соответствовать евроцентрическим представлениям о себе, например выглядеть печальным и носить грязную одежду, чтобы получить убежище или другую защиту.

Модуль «Театральность» нетипичен для миграционного дискурса. В него были включены лексемы, указывающие на искусственность антимигрантских нарративов, продвигаемых государством, а также на рукотворность процедур, направленных на дальнейшее угнетение и подчинение мигранта. Так, например, термин *Border Spectacle*, являющийся третьим по частоте в модуле, был предложен Н. де Геновой [16]. Ученый определил это понятие как «зрелище принуждения на “границе”, при котором “нелегальность” мигрантов становится наглядной».

Мы понимаем «пограничный спектакль» как совокупность социально-политических процессов и процедур, происходящих на государственных границах и направленных против мигрантов: усиленные досмотры, депортации, задержания и прочее, а также проводимых демонстративно для дальнейшего извлечения политической и/или экономической выгоды.

В модуле «Виды миграции» первой по частотности лексемой является *labor*, что указывает на преобладание трудовой миграции и на возможность дальнейшей экономической эксплуатации мигрантов. Словосочетание *economic exploitation* встречается в следующем за «Видами миграции» модуле «Экономика».

Модуль «Этническая принадлежность» содержит лексемы, указывающие на существующую этническую дискриминацию мигрантов: *xenophobic mode/stereotype*, “civilized” *Western values*, *prejudice*, *racial difference*, *racial division*, *segregation*. Также упоминаются этносы, относящиеся к странам – донорам миграции по отношению к США: *Chinese renshe*, *Chinese shetou*, *Spanish pollo*, *Iranian gosfand*.

Модуль «Коммуникация» отражает роль языка и общения в миграционных процессах. В модуле встречаются лексемы, обозначающие различные языковые явления, влияющие на положение мигранта и образы мигранта и государства в современном мире: *migrant’s own narrative*, *racialized discourse*, *rhetoric of “deservedness”* *discourse of humanitarianism*, *paternalistic narrative*. Патерналистский нарратив используется государством как инструмент для демонстрации собственной благосклонности по отношению к мигрантам и, следовательно, создания более положительного образа себя. Риторика «заслуженности» приводит к делению мигрантов на «достойных» и «недостойных» права на въезд в страну. На эту риторику влияет в том числе и расиализованный дискурс, включающий в себя зачастую негативные стереотипы о различных этносах и приводящий к этнической дискриминации мигрантов.

Модуль «Документы» содержит как общее понятие *documentation*, так и более конкретные названия документов и законов, определяющих статус мигранта и возможности его въезда в страну и пребывания в ней: *Anti-terrorism Act*, *U.S. Constitution*, *visa*.

В модуле «Современные технологии» упоминаются два типа оборудования для усиленной защиты и охраны границ: *drone*, *motion sensor*. Эти лексемы встречаются также в модулях «Граница», «Регуляция миграции» и «Безопасность».

Заключение. Таким образом, результаты доказывают, что приграничный миграционный дискурс можно выделить в отдельный тип дискурса: участники миграции выступают его ключевой категорией, а концепт «граница» является одним из центральных. Также данный тип дискурса обладает своей лексической уникальностью: семантические модули, относящиеся в основном к ближней периферии, отражают как глобальные, так и тесно связанные непосредственно с границей процессы и явления. Лексемы необязательно принадлежат исключительно миграционному дискурсу, это подтверждает интердискурсивность приграничного дискурса, что свойственно миграционному дискурсу в целом. Возникает и необычный семантический модуль «Театральность», указывающий на сходства миграционной политики и миграционных процессов, связанных с границей, со спектаклем. Семантические модули дальней периферии являются не такими объемными, поскольку многие содержащиеся в них лексемы входят и в семантические модули ядра и/или ближней периферии. Семантические модули дальней периферии акцентируют внимание на более конкрет-

ных аспектах, сопряженных с миграцией и влияющих на ее развитие. Большое количество лексем с негативной коннотацией может быть связано с миграционной политикой США, создающей существенные ограничения для мигрантов. Контент-анализ корпуса, созданного на базе анализируемого материала, позволяет сформировать лексическую базу основных понятий, относящихся к миграции (миграционный подъязык), которые могут быть использованы для составления современного миграционного глоссария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chavez L. *Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood*. NY: Annandale-of-Hudson, 2020.
2. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4, № 2. С. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
3. Костева В. М. Дискурсы миграции в лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики / науч. ред. А. М. Амагов. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 46–52.
4. Harris Z. *Discourse analysis* // *Language*. 1952. Vol. 28, № 1. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/409987>
5. Чернявская В. Е. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия*. М.: Наука, 2006.
6. Слышкин Г. Г. *Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38–45.*
7. Воркачёв С. Г. *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–72.
8. Зубарева Е. О. *Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019. Т. 5, № 1. С. 35–45. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
9. Van Dijk T. *Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies / ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. Cham: Springer, 2018. P. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13*
10. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002.
11. *Лингвистическое моделирование / С. Н. Антонова, И. А. Афонина, А. В. Дрожачих и др.* Тюмень: Вектор Бук, 2009.
12. Апресян Ю. Д. *Идеи и методы современной структурной лингвистики*. М.: Просвещение, 1966.
13. Райскина В. А., Дубнякова О. А. *Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки*. 2015. № 40. С. 146–154.
14. Зубарева Е. О., Колегова А. А. *Синтагматическая модель концепта traveller в британском и американском вариантах английского языка // Евразийский гуманитарный журнал*. 2024. № 1. С. 6–18.
15. Agamben G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1998.
16. De Genova N. *Spectacles of migrant 'illegality': the scene of exclusion, the obscene of inclusion // Ethnic and Racial Studies*. 2013. Vol. 36, iss. 7. P. 1180–1198. DOI: 10.1080/01419870.2013.783710

Информация об авторах.

Зубарева Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры зарубежной филологии Пермского государственного национального исследовательского университета. *Лингвистическая модель приграничного миграционного дискурса (на материале английского языка)* 197
Linguistic Model of Cross-Border Migration Discourse (Based on the English Language)

ского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор 41 научной публикации. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, миграционная лингвистика, лексикографирование.

Ложкина Екатерина Сергеевна – студентка (4-й курс) факультета филологии и коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, миграционная лингвистика, теория перевода.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.09.2025; принята после рецензирования 19.12.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.

REFERENCES

1. Chavez, L. (2020), *Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood*, Annandale-of-Hudson, NY, USA.
2. Shustova, S.V. (2018), "Migration linguistics and migration discourse", *Theoretical and Applied Linguistics*, no. 4 (2), pp. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
3. Kosteva, V.M. (2019), "Migration discourses in linguistics", *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration Linguistics in the modern scientific paradigm: Mediation practices], Amatov, A.M. (ed.), Perm State Univ., Perm, RUS, pp. 46–52.
4. Harris, Z. (1952), "Discourse analysis", *Language*, vol. 28, no. 1, pp. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/409987>
5. Chernyavskaya, V.E. (2006), *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya* [The discourse of power and the power of discourse. Problems of speech influence], Nauka, Moscow, RUS.
6. Slyshkin, G.G. (2000), "Discourse and concept (on the linguistic and cultural approach to the study of discourse)", *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse], in Karasik, V.I. and Slyshkin, G.G. (eds.), Peremena, Volgograd, RUS, pp. 38–45.
7. Vorkachev, S.G. (2001), "Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics", *Philological sciences*, no. 1, pp. 64–72.
8. Zubareva, E.O. (2019), "The Model of Migration Discourse", *Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 5, no. 1, pp. 35–45. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
9. Van Dijk, T. (2018), "Discourse and migration", *Qualitative Research in European Migration Studies*, Zapata-Barrero, R. and Yalaz, E. (eds.), Springer, Cham, CHE, pp. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13
10. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
11. Antonova, S.N., Afonina, I.A., Drozhashchikh, A.V. et al. (2009), *Lingvisticheskoe modelirovanie* [Linguistic modeling], Vektor Buk, Tyumen, RUS.
12. Apresyan, Yu.D. (1966), *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki* [Ideas and methods of modern structural linguistics], Prosveshhenie, Moscow, USSR.
13. Raiskina, V.A. and Dubnyakova, O.A. (2015), "Modern methods of corpus linguistics in text analysis (using the example of the BFM corpus)", *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki* [Actual issues of modern science], no. 40, pp. 146–154.
14. Zubareva, E.O. and Kolegova, A.A. (2024), "The syntagmatic model of the concept TRAVELLER in the British and American Variants of the English language", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 1, pp. 6–18.
15. Agamben, G. (1998), *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
16. De Genova, N. (2013), "Spectacles of migrant 'illegality': the scene of exclusion, the obscene of inclusion", *Ethnic and Racial Studies*, vol. 36, iss. 7, pp. 1180–1198. DOI: 10.1080/01419870.2013.783710

Information about the authors.

Ekaterina O. Zubareva – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Philology, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of 41 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, semantics, migration linguistics, lexicography.

Ekaterina S. Lozhkina – Student (4th year) at the Faculty of Philology and Communication, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. Area of expertise: cognitive linguistics, migration linguistics, theory of translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.09.2025; adopted after review 19.12.2025; published online 20.04.2026.*